

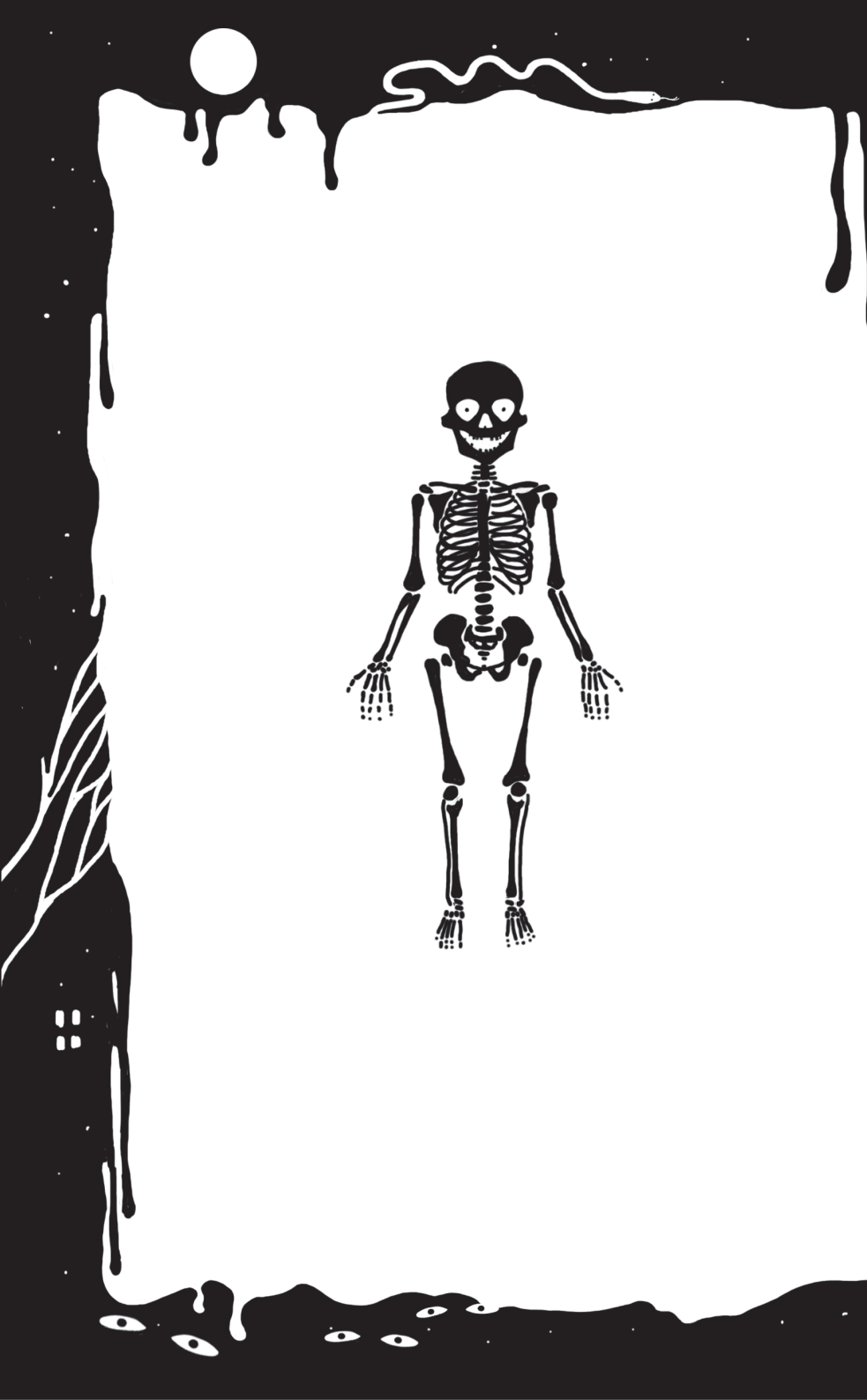

Анна
Летягина

ПЕРЧАТКИ АРИАДНЫ

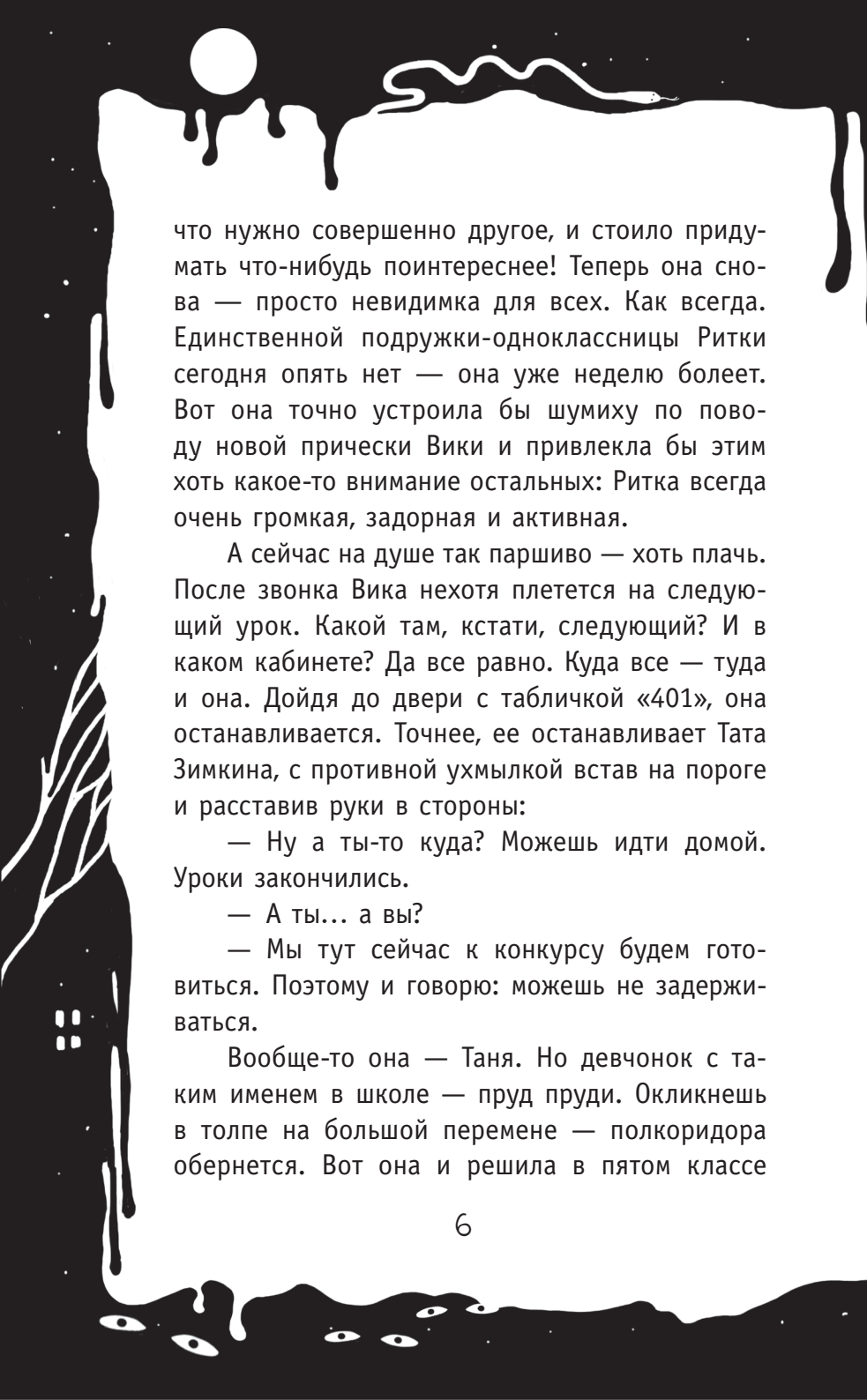
Москва
Издательство АСТ
2021

Глава 1 «НЕВИДИМКА»

Нет, ничего не получится. Никто из одноклассников на нее даже не взглянул сегодня. Сидя за партой на скучнейшей физике, Вика тоскливо накручивает на палец африканскую косичку с ярко-желтым шнурком, вплетенным в нее. Она трудилась над этими косичками, путаясь в разноцветных шнурках, целое утро перед школой — даже вспотела, а в итоге получилось всего двенадцать штук — больше не успела. К тому же вышло все как-то неаккуратно, и вообще... Кого сейчас удивит этим? Прической, которая вышла из моды, когда еще ее мама была такой же школьницей. А радужные шнурки сделали ее волосы похожими на перья попугая. Сразу можно было догадаться,

что нужно совершенно другое, и стоило придумать что-нибудь поинтереснее! Теперь она снова — просто невидимка для всех. Как всегда. Единственной подружки-одноклассницы Ритки сегодня опять нет — она уже неделю болеет. Вот она точно устроила бы шумиху по поводу новой прически Вики и привлекла бы этим хоть какое-то внимание остальных: Ритка всегда очень громкая, задорная и активная.

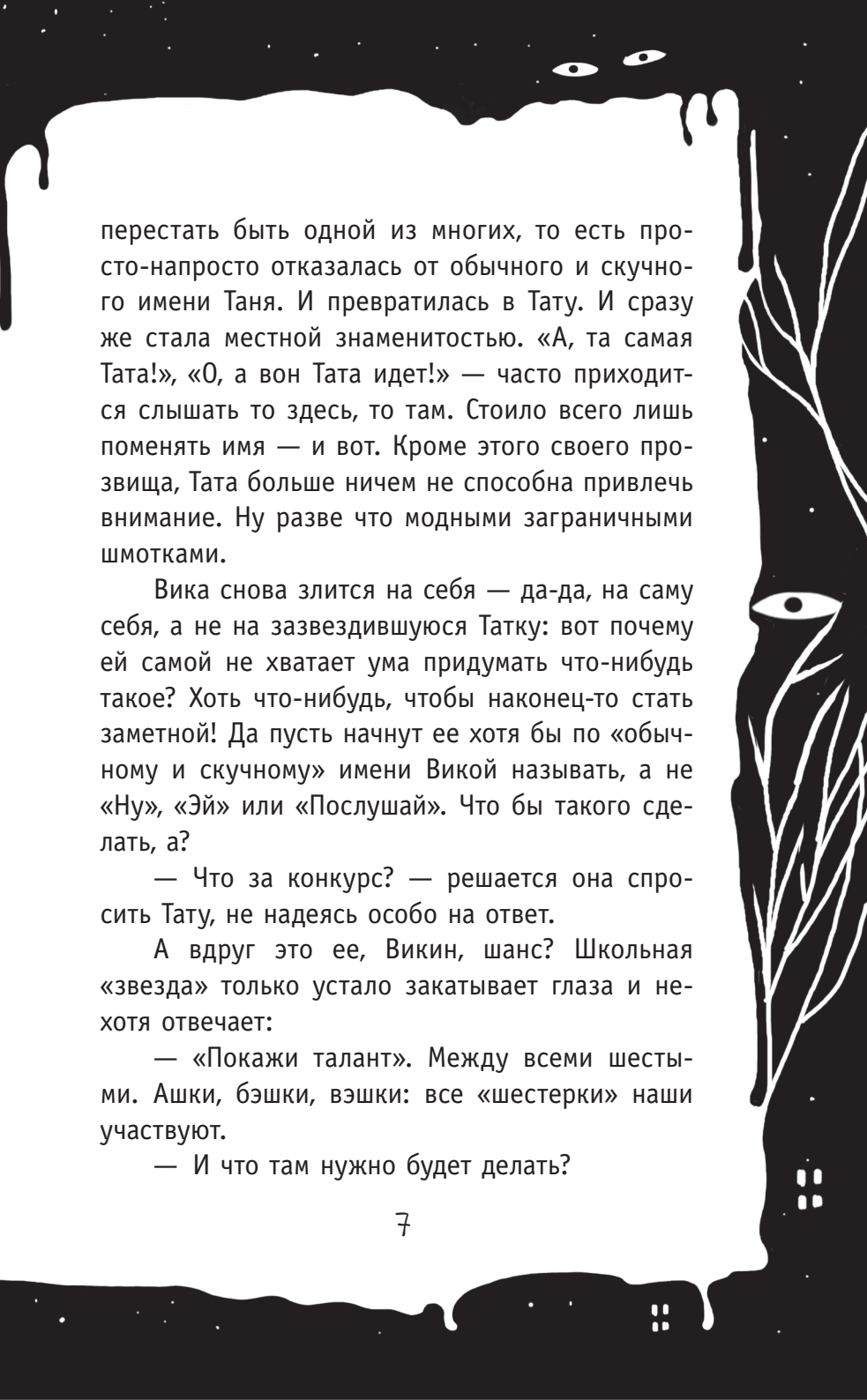
А сейчас на душе так паршиво — хоть плачь. После звонка Вика нехотя плетется на следующий урок. Какой там, кстати, следующий? И в каком кабинете? Да все равно. Куда все — туда и она. Дойдя до двери с табличкой «401», она останавливается. Точнее, ее останавливает Тата Зимкина, с противной ухмылкой встав на пороге и расставив руки в стороны:

— Ну а ты-то куда? Можешь идти домой. Уроки закончились.

— А ты... а вы?

— Мы тут сейчас к конкурсу будем готовиться. Поэтому и говорю: можешь не задерживаться.

Вообще-то она — Таня. Но девчонок с таким именем в школе — пруд пруди. Окликнешь в толпе на большой перемене — полкоридора обернется. Вот она и решила в пятом классе

перестать быть одной из многих, то есть просто-напросто отказалась от обычного и скучного имени Таня. И превратилась в Тату. И сразу же стала местной знаменитостью. «А, та самая Тата!», «О, а вон Тата идет!» — часто приходится слышать то здесь, то там. Стоило всего лишь поменять имя — и вот. Кроме этого своего прозвища, Тата больше ничем не способна привлечь внимание. Ну разве что модными заграничными шмотками.

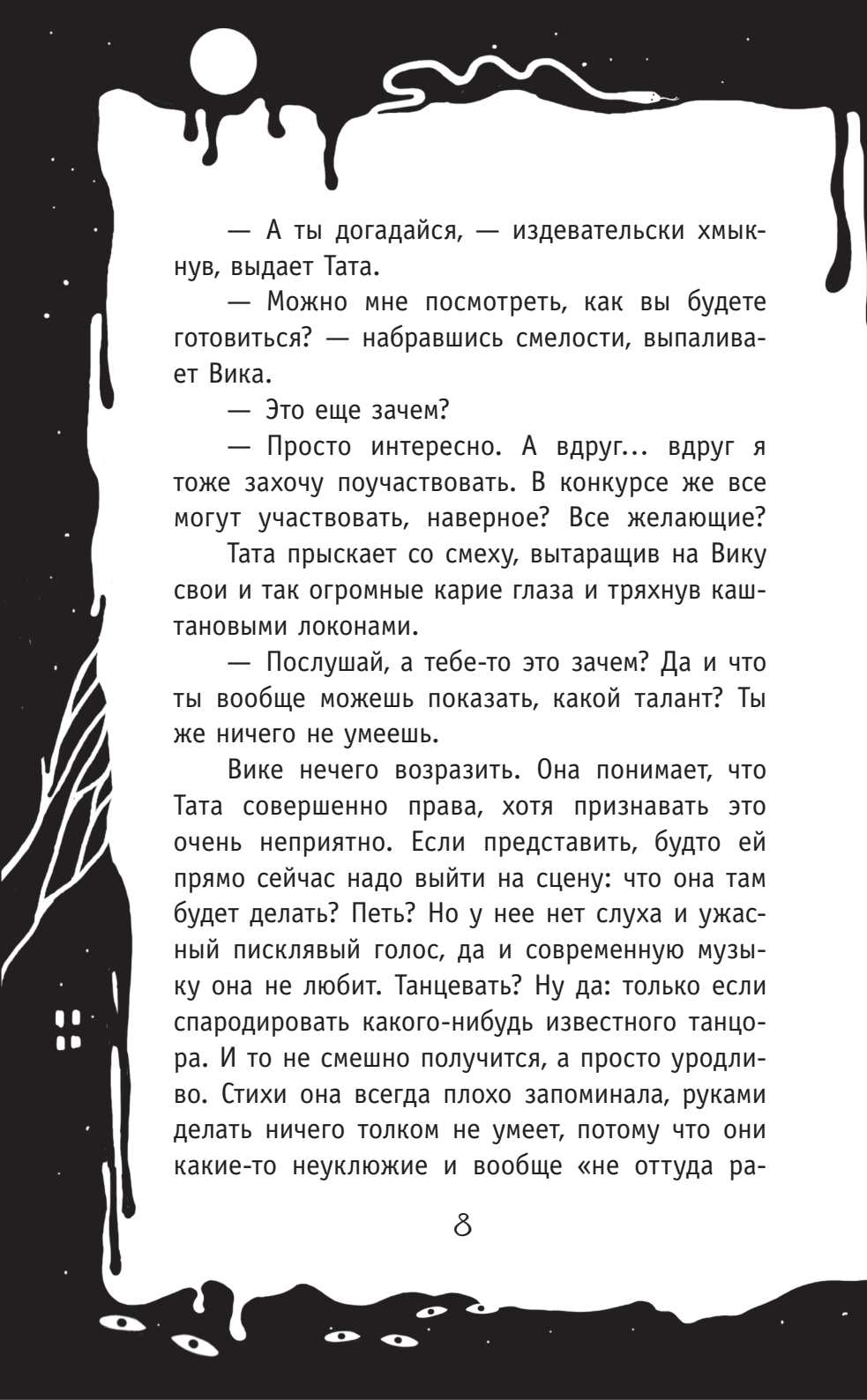
Вика снова злится на себя — да-да, на саму себя, а не на зазвездившуюся Татку: вот почему ей самой не хватает ума придумать что-нибудь такое? Хоть что-нибудь, чтобы наконец-то стать заметной! Да пусть начнут ее хотя бы по «обычному и скучному» имени Викой называть, а не «Ну», «Эй» или «Послушай». Что бы такого сделать, а?

— Что за конкурс? — решается она спросить Тату, не надеясь особо на ответ.

А вдруг это ее, Викин, шанс? Школьная «звезда» только устало закатывает глаза и нехотя отвечает:

— «Покажи талант». Между всеми шестыми. Ашки, бэшки, вэшки: все «шестерки» наши участвуют.

— И что там нужно будет делать?

— А ты догадайся, — издевательски хмыкнув, выдает Тата.

— Можно мне посмотреть, как вы будете готовиться? — набравшись смелости, выпаливает Вика.

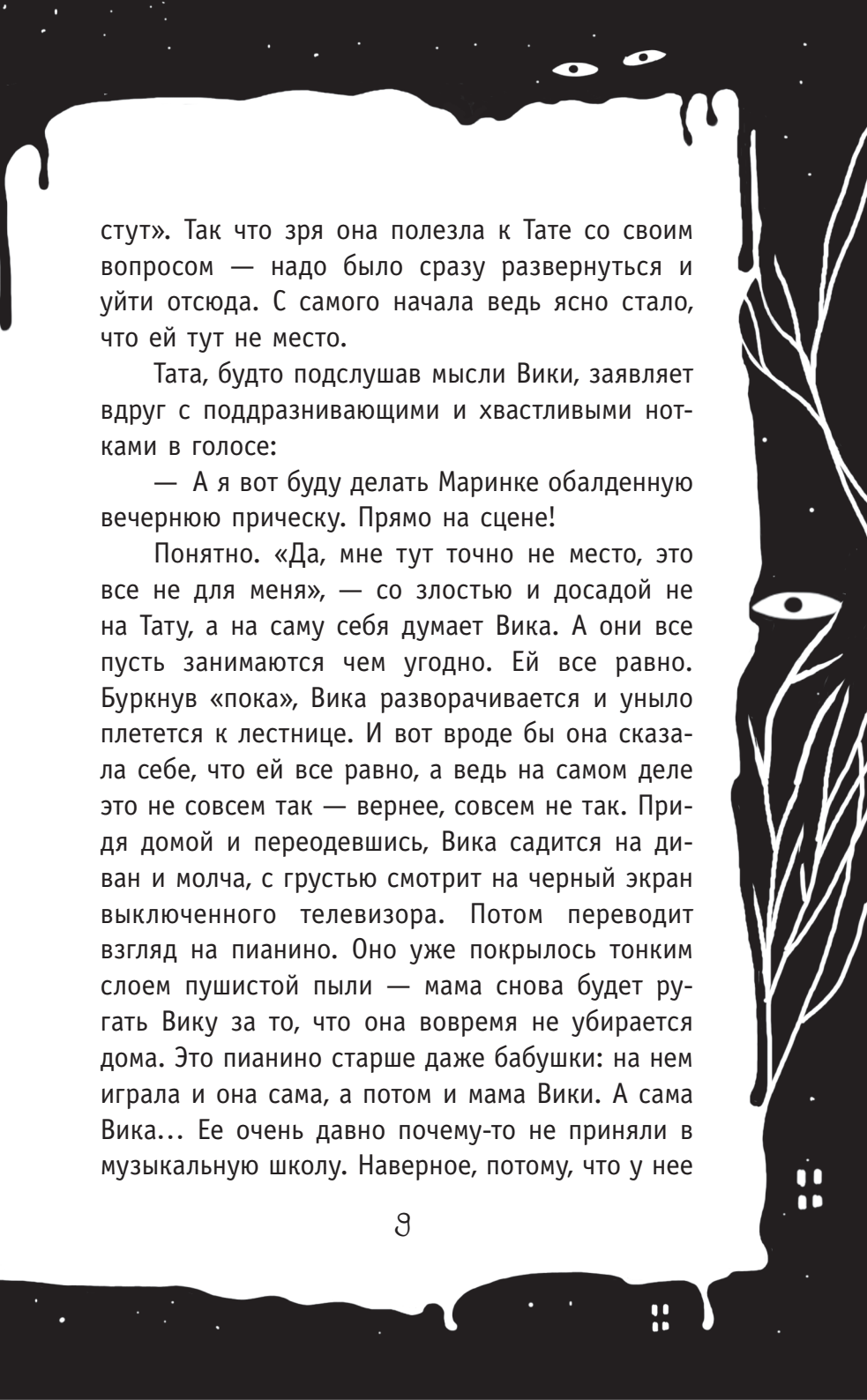
— Это еще зачем?

— Просто интересно. А вдруг... вдруг я тоже захочу поучаствовать. В конкурсе же все могут участвовать, наверное? Все желающие?

Тата прыскает со смеху, вытаращив на Вику свои и так огромные карие глаза и тряхнув каштановыми локонами.

— Послушай, а тебе-то это зачем? Да и что ты вообще можешь показать, какой талант? Ты же ничего не умеешь.

Вике нечего возразить. Она понимает, что Тата совершенно права, хотя признавать это очень неприятно. Если представить, будто ей прямо сейчас надо выйти на сцену: что она там будет делать? Петь? Но у нее нет слуха и ужасный писклявый голос, да и современную музыку она не любит. Танцевать? Ну да: только если спародировать какого-нибудь известного танцора. И то не смешно получится, а просто уродливо. Стихи она всегда плохо запоминала, руками делать ничего толком не умеет, потому что они какие-то неуклюжие и вообще «не оттуда ра-

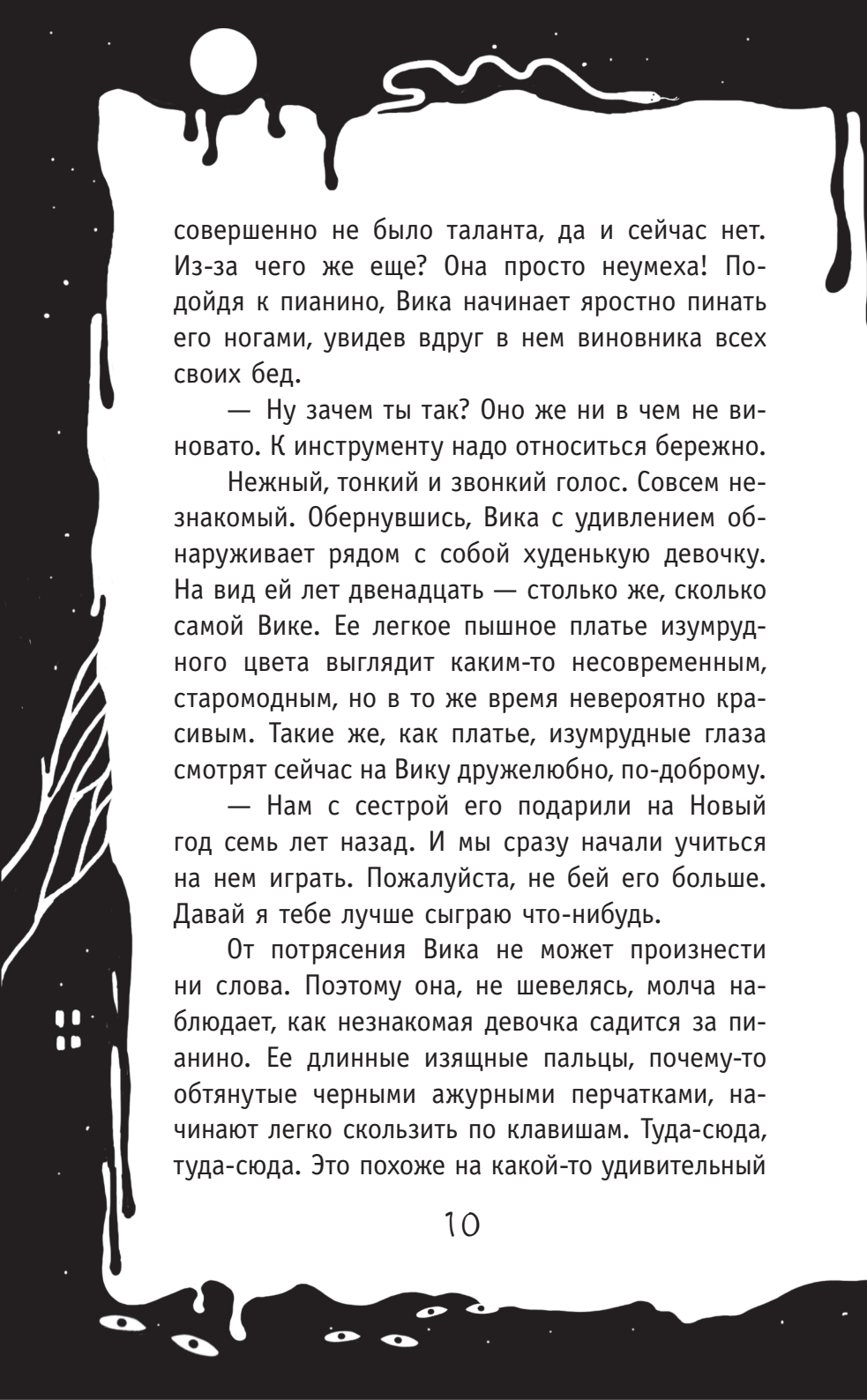
A stylized, high-contrast illustration in white and black. It depicts a tree-like structure on the right side of the page. The tree has a large, almond-shaped eye with a black pupil and a white highlight, positioned on its trunk. Above the tree, two smaller, similar eyes are visible against a black background. The overall style is graphic and somewhat abstract, with a dark, ink-like texture.

стут». Так что зря она полезла к Тате со своим вопросом — надо было сразу развернуться и уйти отсюда. С самого начала ведь ясно стало, что ей тут не место.

Тата, будто подслушав мысли Вики, заявляет вдруг с поддразнивающими и хвастливыми нотками в голосе:

— А я вот буду делать Маринке обалденную вечернюю прическу. Прямо на сцене!

Понятно. «Да, мне тут точно не место, это все не для меня», — со злостью и досадой не на Тату, а на саму себя думает Вика. А они все пусть занимаются чем угодно. Ей все равно. Буркнув «пока», Вика разворачивается и уныло плетется к лестнице. И вот вроде бы она сказала себе, что ей все равно, а ведь на самом деле это не совсем так — вернее, совсем не так. Придя домой и переодевшись, Вика садится на диван и молча, с грустью смотрит на черный экран выключенного телевизора. Потом переводит взгляд на пианино. Оно уже покрылось тонким слоем пушистой пыли — мама снова будет ругать Вику за то, что она вовремя не убирается дома. Это пианино старше даже бабушки: на нем играла и она сама, а потом и мама Вики. А сама Вика... Ее очень давно почему-то не приняли в музыкальную школу. Наверное, потому, что у нее

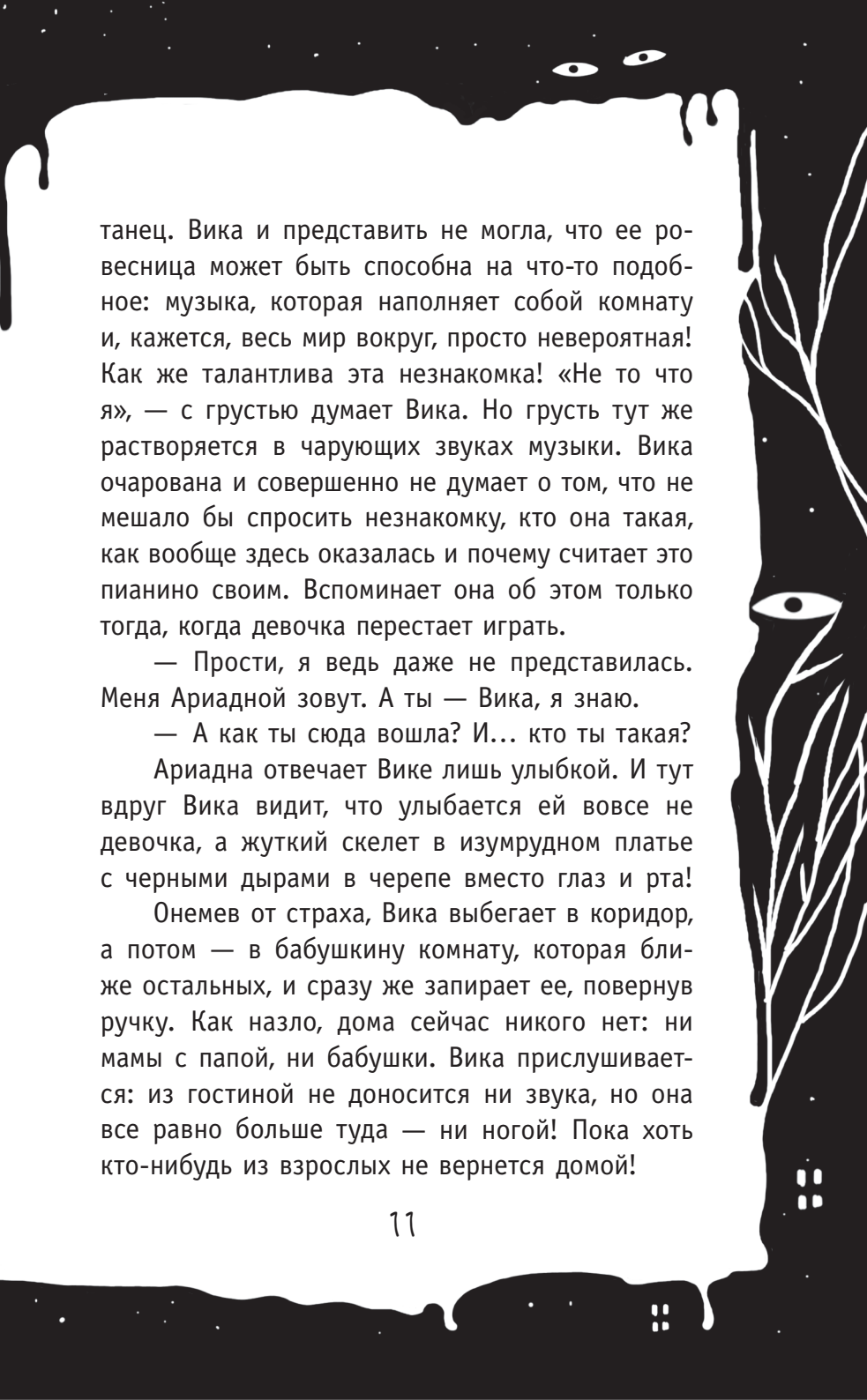
совершенно не было таланта, да и сейчас нет. Из-за чего же еще? Она просто неумеха! Подойдя к пианино, Вика начинает яростно пинать его ногами, увидев вдруг в нем виновника всех своих бед.

— Ну зачем ты так? Оно же ни в чем не виновато. К инструменту надо относиться бережно.

Нежный, тонкий и звонкий голос. Совсем незнакомый. Обернувшись, Вика с удивлением обнаруживает рядом с собой худенькую девочку. На вид ей лет двенадцать — столько же, сколько самой Вике. Ее легкое пышное платье изумрудного цвета выглядит каким-то несовременным, старомодным, но в то же время невероятно красивым. Такие же, как платье, изумрудные глаза смотрят сейчас на Вику дружелюбно, по-доброму.

— Нам с сестрой его подарили на Новый год семь лет назад. И мы сразу начали учиться на нем играть. Пожалуйста, не бей его больше. Давай я тебе лучше сыграю что-нибудь.

От потрясения Вика не может произнести ни слова. Поэтому она, не шевелясь, молча наблюдает, как незнакомая девочка садится за пианино. Ее длинные изящные пальцы, почему-то обтянутые черными ажурными перчатками, начинают легко скользить по клавишам. Туда-сюда, туда-сюда. Это похоже на какой-то удивительный

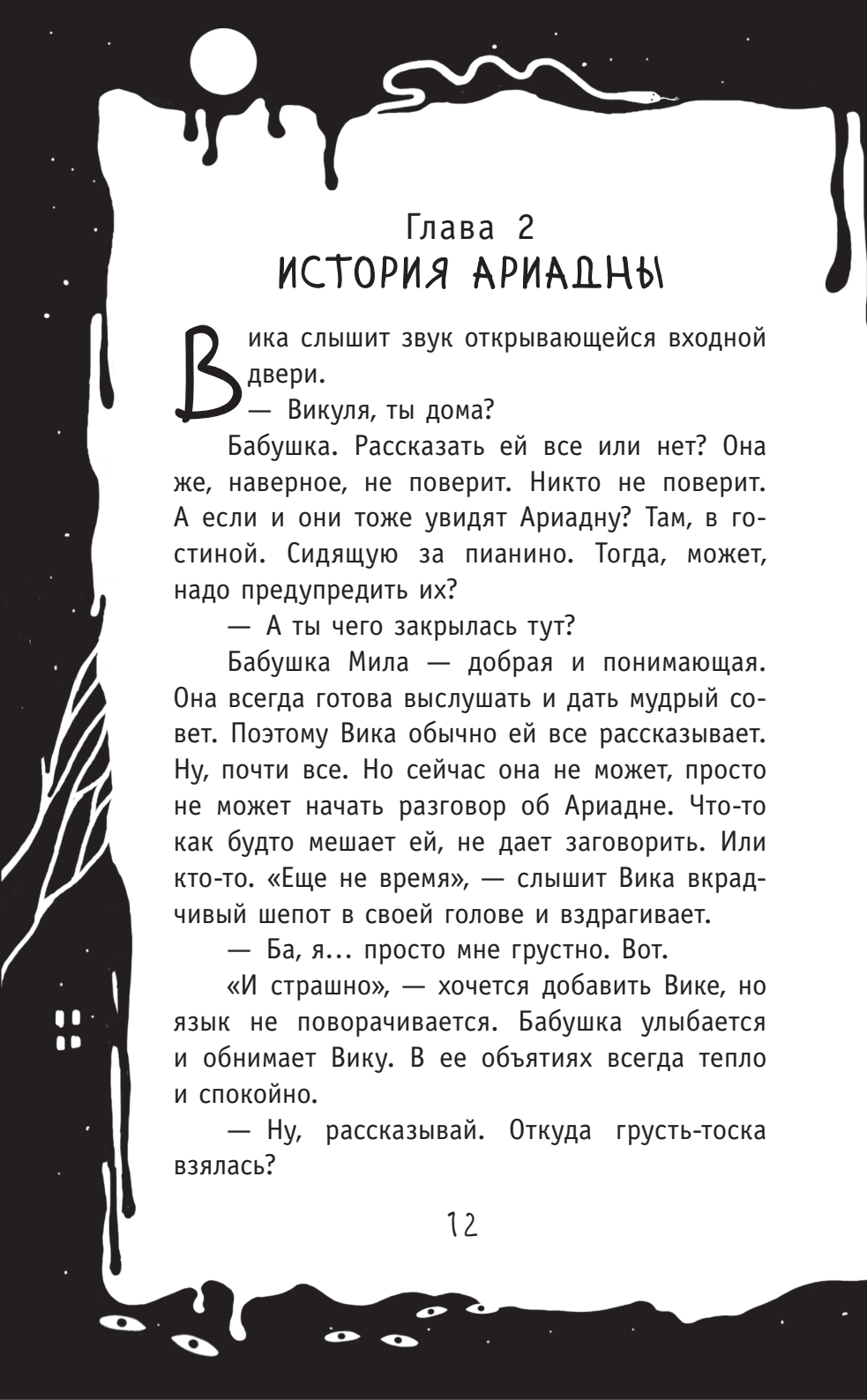
танец. Вика и представить не могла, что ее ровесница может быть способна на что-то подобное: музыка, которая наполняет собой комнату и, кажется, весь мир вокруг, просто невероятная! Как же талантлива эта незнакомка! «Не то что я», — с грустью думает Вика. Но грусть тут же растворяется в чарующих звуках музыки. Вика очарована и совершенно не думает о том, что не мешало бы спросить незнакомку, кто она такая, как вообще здесь оказалась и почему считает это пианино своим. Вспоминает она об этом только тогда, когда девочка перестает играть.

— Прости, я ведь даже не представилась. Меня Ариадной зовут. А ты — Вика, я знаю.

— А как ты сюда вошла? И... кто ты такая?

Ариадна отвечает Вике лишь улыбкой. И тут вдруг Вика видит, что улыбается ей вовсе не девочка, а жуткий скелет в изумрудном платье с черными дырами в черепе вместо глаз и рта!

Онемев от страха, Вика выбегает в коридор, а потом — в бабушкину комнату, которая ближе остальных, и сразу же запирает ее, повернув ручку. Как назло, дома сейчас никого нет: ни мамы с папой, ни бабушки. Вика прислушивается: из гостиной не доносится ни звука, но она все равно больше туда — ни ногой! Пока хоть кто-нибудь из взрослых не вернется домой!

Глава 2 ИСТОРИЯ АРИАДНЫ

Вика слышит звук открывающейся входной двери.

— Викуля, ты дома?

Бабушка. Рассказать ей все или нет? Она же, наверное, не поверит. Никто не поверит. А если и они тоже увидят Ариадну? Там, в гостиной. Сидящую за пианино. Тогда, может, надо предупредить их?

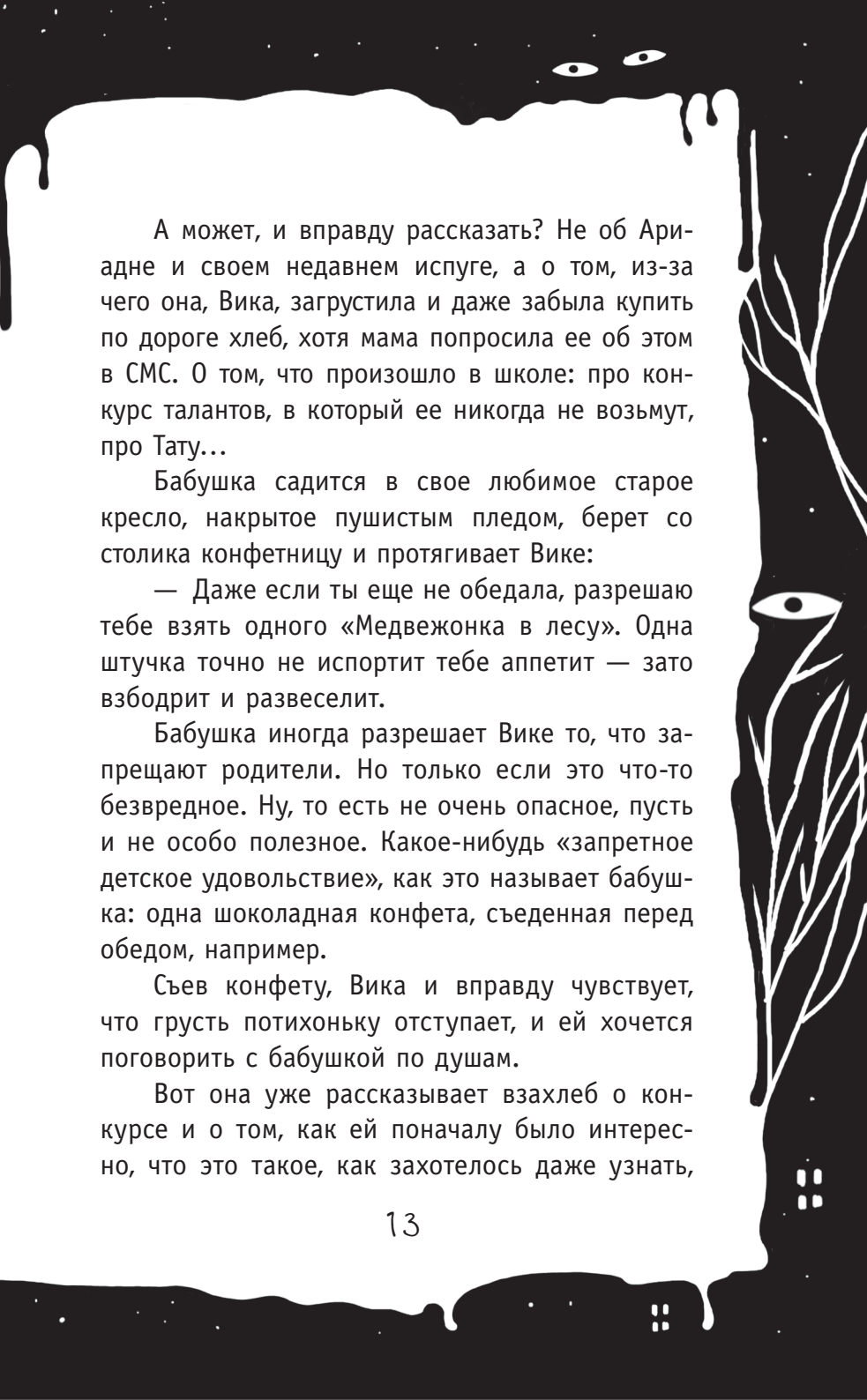
— А ты чего закрылась тут?

Бабушка Мила — добрая и понимающая. Она всегда готова выслушать и дать мудрый совет. Поэтому Вика обычно ей все рассказывает. Ну, почти все. Но сейчас она не может, просто не может начать разговор об Ариадне. Что-то как будто мешает ей, не дает заговорить. Или кто-то. «Еще не время», — слышит Вика вкрадчивый шепот в своей голове и вздрагивает.

— Ба, я... просто мне грустно. Вот.

«И страшно», — хочется добавить Вике, но язык не поворачивается. Бабушка улыбается и обнимает Вику. В ее объятиях всегда тепло и спокойно.

— Ну, рассказывай. Откуда грусть-тоска взялась?

А может, и вправду рассказать? Не об Ариадне и своем недавнем испуге, а о том, из-за чего она, Вика, загрустила и даже забыла купить по дороге хлеб, хотя мама попросила ее об этом в СМС. О том, что произошло в школе: про конкурс талантов, в который ее никогда не возьмут, про Тату...

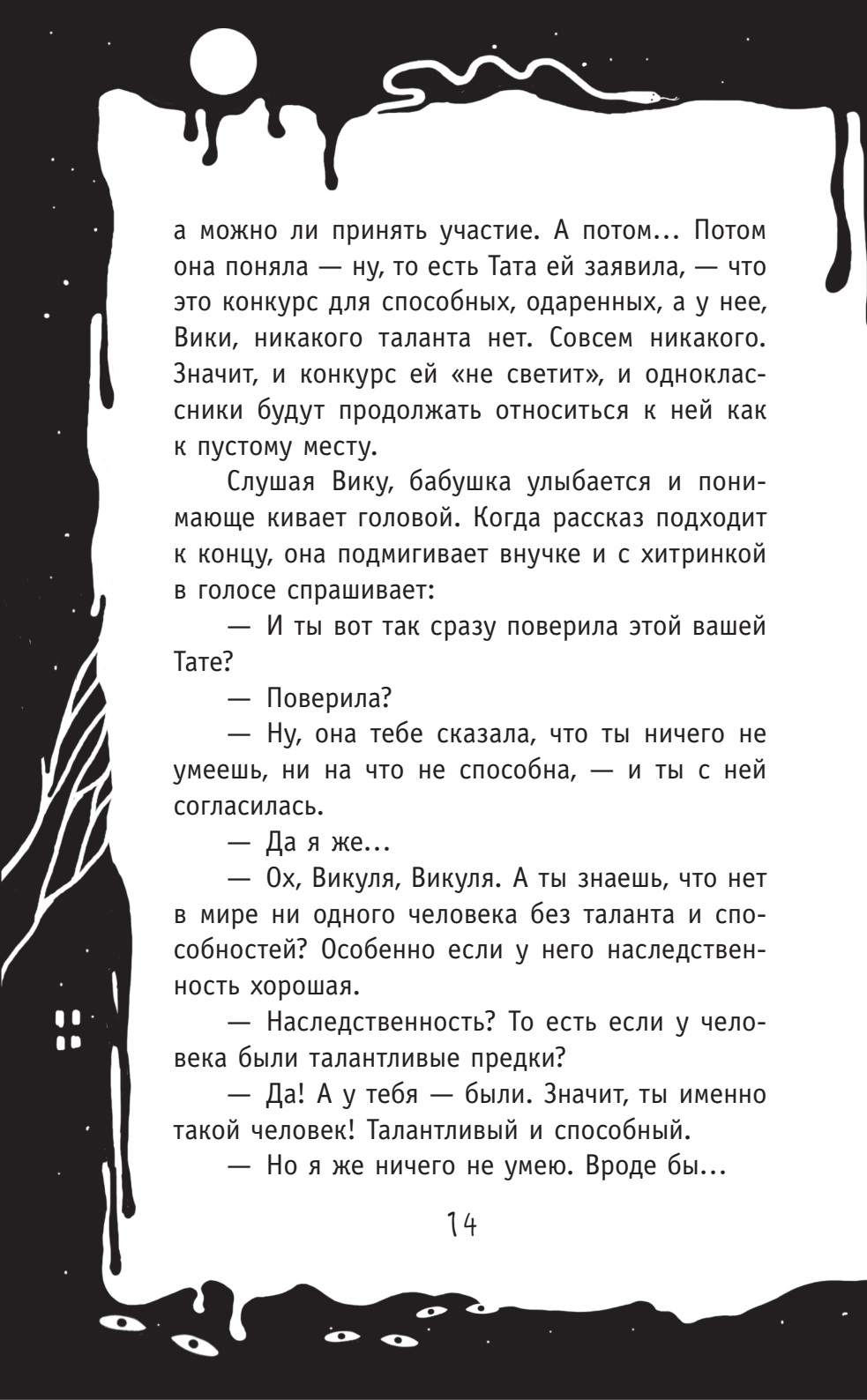
Бабушка садится в свое любимое старое кресло, накрытое пушистым пледом, берет со столика конфетницу и протягивает Вике:

— Даже если ты еще не обедала, разрешаю тебе взять одного «Медвежонка в лесу». Одна штучка точно не испортит тебе аппетит — зато взбодрит и развеселит.

Бабушка иногда разрешает Вике то, что запрещают родители. Но только если это что-то безвредное. Ну, то есть не очень опасное, пусть и не особо полезное. Какое-нибудь «запретное детское удовольствие», как это называет бабушка: одна шоколадная конфета, съеденная перед обедом, например.

Съев конфету, Вика и вправду чувствует, что грусть потихоньку отступает, и ей хочется поговорить с бабушкой по душам.

Вот она уже рассказывает взахлеб о конкурсе и о том, как ей поначалу было интересно, что это такое, как захотелось даже узнать,

а можно ли принять участие. А потом... Потом она поняла — ну, то есть Тата ей заявила, — что это конкурс для способных, одаренных, а у нее, Вики, никакого таланта нет. Совсем никакого. Значит, и конкурс ей «не светит», и одноклассники будут продолжать относиться к ней как к пустому месту.

Слушая Вику, бабушка улыбается и понимающе кивает головой. Когда рассказ подходит к концу, она подмигивает внучке и с хитринкой в голосе спрашивает:

— И ты вот так сразу поверила этой вашей Тате?

— Поверила?

— Ну, она тебе сказала, что ты ничего не умеешь, ни на что не способна, — и ты с ней согласилась.

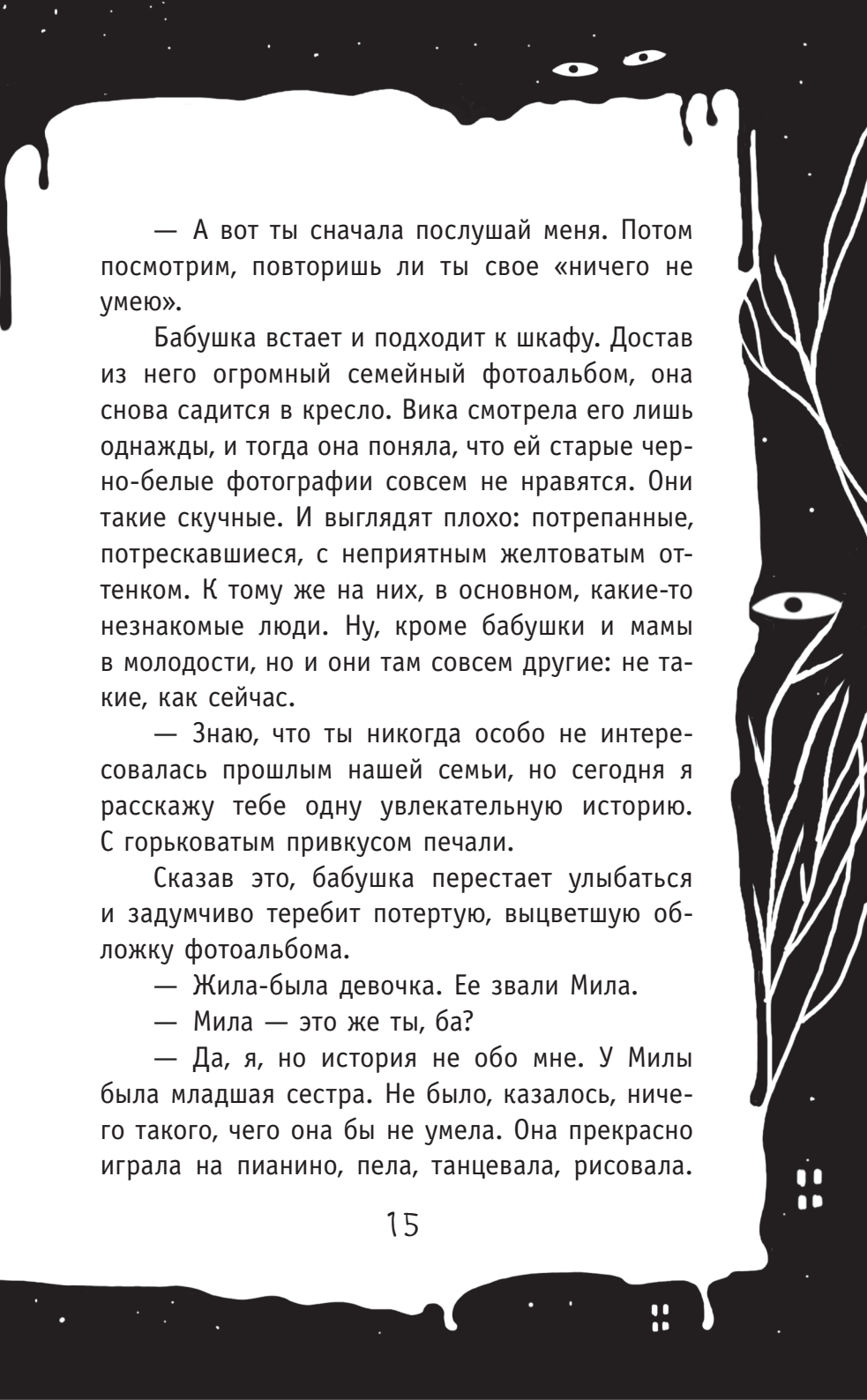
— Да я же...

— Ох, Викуля, Викуля. А ты знаешь, что нет в мире ни одного человека без таланта и способностей? Особенно если у него наследственность хорошая.

— Наследственность? То есть если у человека были талантливые предки?

— Да! А у тебя — были. Значит, ты именно такой человек! Талантливый и способный.

— Но я же ничего не умею. Вроде бы...

— А вот ты сначала послушай меня. Потом посмотрим, повторишь ли ты свое «ничего не умею».

Бабушка встает и подходит к шкафу. Достав из него огромный семейный фотоальбом, она снова садится в кресло. Вика смотрела его лишь однажды, и тогда она поняла, что ей старые черно-белые фотографии совсем не нравятся. Они такие скучные. И выглядят плохо: потрепанные, потрескавшиеся, с неприятным желтоватым оттенком. К тому же на них, в основном, какие-то незнакомые люди. Ну, кроме бабушки и мамы в молодости, но и они там совсем другие: не такие, как сейчас.

— Знаю, что ты никогда особо не интересовалась прошлым нашей семьи, но сегодня я расскажу тебе одну увлекательную историю. С горьковатым привкусом печали.

Сказав это, бабушка перестает улыбаться и задумчиво тербит потертую, выцветшую обложку фотоальбома.

— Жила-была девочка. Ее звали Мила.

— Мила — это же ты, ба?

— Да, я, но история не обо мне. У Милы была младшая сестра. Не было, казалось, ничего такого, чего она бы не умела. Она прекрасно играла на пианино, пела, танцевала, рисовала.